

Её голос звучал на удивление спокойно, словно застоявшаяся вода.

Ресницы Лун Юйчэня дрогнули:

— Я искренне считаю, что у тебя огромный потенциал...

— Потенциал? — это слово, словно нож, пробило напускное спокойствие Су Ваньвань. Её голос задрожал: — Значит, тебе просто нравится чувствовать себя наставником по жизни? Наблюдать, как глупая девчонка боготворит тебя, и тешить этим своё самолюбие?

— Это не так.

Лун Юйчэнь сделал шаг вперёд, но Чэнь Юйцин преградила ему путь. Обычно молчаливая девушка сейчас походила на ледяную стену:

— Анализ твоих поведенческих паттернов показывает, что ты поддерживаешь несколько двусмысленных связей одновременно для повышения самооценки. Это классический механизм психологической компенсации.

Лицо Лун Юйчэня помрачнело:

— Вы совершенно ничего не понимаете...

— Мы понимаем достаточно, — перебила его Чжан Кэсинь, укрывая Су Ваньвань за своей спиной. — Ваньвань достойна лучшего, а не подонка, который мнит себя гением и играет чужими чувствами.

Внезапно прозвенел звонок, спугнув воробьёв с перголы, увитой глицинией. Лун Юйчэнь взглянул на часы, потом на Су Ваньвань, но в итоге промолчал и развернулся в сторону лабораторного корпуса. Полы его белого халата взметнулись на ветру, словно белый флаг капитуляции.

Су Ваньвань стояла неподвижно, провожая взглядом его спину, пока он не скрылся за дверью. Как ни странно, она не чувствовала той боли, которую ожидала, — напротив, на душе стало легче, словно камень, долгое время давивший на грудь, наконец сдвинули с места.

— Пошли, — Линь Юэ обняла её за плечи. — Угощу тебя чаем с молоком. С двойным сахаром.

К концу занятий небо внезапно заволочло тучами. Су Ваньвань стояла у входа в учебный корпус, глядя, как свинцовые облака опускаются всё ниже, а воздух наполняется влажным запахом приближающейся грозы.

Зонта у неё с собой не было. Это было странно: она всегда отличалась предусмотрительностью. В боковом кармане рюкзака у неё всегда лежал складной зонт — точно так же, как в сердце всегда было отведено место для одного человека.

Сегодня не было ни того, ни другого.

Когда упали первые капли дождя, рядом с ней оказалась Сюй Я. Девушка, вечно носившая высокий хвост, протянула ей небесно-голубой складной зонт:

— Возьми.

Су Ваньвань замерла. На ручке зонта висел знакомый деревянный брелок — подарок, который она сама вручила Лун Юйчэню на день рождения в прошлом году. На нём были вырезаны четыре иероглифа: Блестящего будущего тебе.

— Он просил передать, — голос Сюй Я был тихим, почти тонущим в шуме дождя. — Сказал... что очень сожалеет.

Дождь забарабанил по асфальту чаще, выбивая мелкие брызги. Су Ваньвань уставилась на зонт, и всё происходящее вдруг показалось ей нелепым фарсом. Она покачала головой:

— Не нужно.

Сюй Я не убрала руку:

— На самом деле... он рассказывал мне о тебе.

Эти слова кольнули сердце Су Ваньвань, словно игла. Она повернулась к Сюй Я и заметила, что у той янтарные глаза, которые в этот пасмурный день казались особенно тёплыми.

— Он сказал, что ты особенная, — продолжала Сюй Я, машинально потирая ручку зонта. — Не такая, как другие девушки, которые смотрят только на его оценки и внешность.

Мимо проехал велосипед, обдав голени Су Ваньвань грязными брызгами. От холодного прикосновения она вздрогнула. Особенная? Это слово, слетевшее с его уст, звучало до слёз горько.

Дождь усиливался, студентов у входа становилось всё меньше. Сюй Я внезапно вздохнула:

— Мы сидели за одной партой ещё в средней школе, жили в одном микрорайоне. Все вокруг считали, что рано или поздно мы будем вместе. Включая его самого.

Дыхание Су Ваньвань перехватило. Капли дождя били по металлическим перилам, издавая звон, похожий на фальшивую мелодию пианино.

— Поэтому он и колебался, — голос Сюй Я растворялся в шуме дождя, то приближаясь, то удаляясь. — Пока в прошлом месяце наши родители не поужинали вместе. За столом они отпустили пару шуточек... сама понимаешь, взрослые вечно так делают.

Не знаю, всерьёз ли взрослые поддерживали наши ранние отношения или как, но в итоге я призналась ему, и он согласился.

Вот оно что. Су Ваньвань вдруг рассмеялась, и от этого смеха глаза защипало. Все те моменты, когда у неё замирало сердце, перед лицом реальности оказались лишь детской игрой. У Лун Юйчэня всегда был выбор и была смелость. Она была лишь маленькой рыбкой, случайно заплывшей в чужой пруд, которой недолго полюбовались, а затем выпустили обратно.

— Оставь зонт себе, — Сюй Я вложила его ей в руку. — Он сказал... что очень сожалеет.

Су Ваньвань посмотрела на зонт: небесно-голубой купол, чёрные спицы, деревянный брелок. Ей не хотелось выяснять, искренне ли сожалеет сама Сюй Я или она лишь выполняет просьбу Лун Юйчэня — это уже не имело значения.

Су Ваньвань посмотрела на Сюй Я и произнесла:

— Как бы то ни было, ты очень хорошая девушка. Надеюсь, вы будете счастливы, особенно ты.

Она разжала пальцы, и зонт упал в лужу, обдав брызгами подол её юбки. Сюй Я удивлённо посмотрела на неё:

— Ты...

— Поблагодари его от меня, — Су Ваньвань подняла голову, и дождевая вода потекла по её щекам. — Спасибо, что помог мне понять: я достойна лучшего.

Она шагнула под дождь, и холодная вода моментально пропитала школьную форму. Как ни странно, она не чувствовала холода — напротив, её охватило чувство освобождения. Дождь смывал с её лица всё лишнее, унося прочь нелепые фантазии и самообман.

Вдали показались три знакомые фигуры. Чжан Кэсинь и Линь Юэ делили один зонт с мультяшным принтом, а за ними, подняв чёрный деловой зонт — скорее всего, стащенный из кабинета отца, — шла Чэнь Юйцин.

— Ты с ума сошла? Простудишься же! — запричитала Чжан Кэсинь, затаскивая её под зонт.

Места было мало, они вчетвером сбились в кучу, плечом к плечу.

Линь Юэ достала салфетки и принялась яростно тереть ей лицо, с такой силой, словно пыталась стереть кожу:

— Такой человек не стоит этого! Знаешь, что я только что узнала? Он ведь ещё...

— Хватит, — Чэнь Юйцин впервые прервала кого-то. Она налила из термоса дымящуюся жидкость: — Имбирный чай, от простуды.

Су Ваньвань взяла чашку. В клубках пара она видела полные участия глаза подруг. Чай обжигал, от остроты на глазах выступили слёзы, но тяжёлый ком, долгое время сжимавший сердце, чудом развеялся.

— Пошли, — она взяла под руки Чжан Кэсинь и Линь Юэ. — Хочу одена у ворот школы.

Дождь продолжал идти, но холод уже не чувствовался. Четыре девушки, укрывшись под двумя зонтами, шлёпали по лужам. Проходя мимо лабораторного корпуса, Су Ваньвань не подняла головы. Она знала, что из какого-то окна за ними, возможно, наблюдают, но это её больше не касалось.

У палатки с оденом, стоявшей у школьных ворот, был натянут красный тент, а в кипящем котле бурлили ингредиенты. Они заняли самый дальний столик, и Су Ваньвань заказала себе самую острую фунчозу.

— Кхе-кхе... как остро! — она хватала ртом воздух, слёзы и сопли текли по лицу. Чжан Кэсинь заливалась смехом, Линь Юэ торопливо фотографировала их на память, а Чэнь Юйцин сосредоточенно изучала химический состав капсаицина.

За окном дождь становился всё сильнее, небо постепенно темнело. Когда зажглись уличные фонари, в пелене дождя возникло призрачное сияние. Су Ваньвань посмотрела на брошенный у учебного корпуса небесно-голубой зонт — сейчас он наверняка промок насквозь, точно так же, как и те чувства, которые она когда-то так бережно хранила.

— За нас! — Чжан Кэсинь внезапно подняла банку с колгой. — За нашу школьную жизнь — без всяких подонков она станет только лучше!

Четыре банки столкнулись в воздухе с мелодичным звоном. Су Ваньвань сделала большой глоток, и пузырьки закололи язык, оставляя сладковатое покалывание. Она вдруг поняла: некоторые этапы взросления похожи на этот ливень — приходят внезапно и яростно, но после них воздух становится необычайно свежим.

И она, наконец, могла дышать.

<http://bllate.org/book/18532/1782472>